

ДОН НИГРО

ПРИЗРАКИ

ОКРУГА

ПЕНДРАГОН

Дон Нигро

Призраки округа Пендрагон

«Автор»

2005

Нигро Д.

Призраки округа Пендрагон / Д. Нигро — «Автор», 2005

Дон Нигро «Призраки округа Пендрагон/Pendragon County Ghosts». 6 актеров (4 женские и 2 мужские роли). Мелодрама. Входит в сагу «Пендрагон-Армитейдж». Пьеса плотно примыкает к другой пьесе Дона Нигро – «Лестригоны». В центре обеих пьес любовь с детских лет младшей сестры, Джесси Армитейдж, к старшему брату, Джону Роузу, которая заканчивается трагически. Угрозой самоубийства Джесси склоняет Джона к близости и на свет появляется их дочка Ребекка, Бекки, которая становится героиней целого цикла пьес Дона. А Джесси, слишком рано отправившись на танцы после рождения Бекки, умирает. Если в «Лестригонах» рассказ ведется от лица Джона Роуза, но «Призраки» – взгляд с другой стороны, из Армитейджа, где жили Джесси и Джимми, который беззаветно ее любил и до конца надеялся, что она избавится от своей навязчивости по части Джона. Но увы, Джесси умирает, а Джимми так и остается один, все больше и больше отгораживаясь от людей прочной стеной. И только в конце детям Нелл, сестры Джимми, похуже, удастся пробить эту сцену. Невероятно сильная и пронзительная концовка.

© Нигро Д., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Действующие лица	5
Декорация	6
Картины	7
Картина 1: Потемневшее стекло (1941)	8
Картина 2: Амбар, полный старых пианино (1941)	9
Картина 3: Джесси (1922)	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Дон Нигро

Призраки округа Пендрагон

Действующие лица

ВИННИ КЕЙСИ (11 лет) – дочь НЕЛЛ

ДОЛЛИ КЕЙСИ (12 лет) – дочь НЕЛЛ

ДЖИММИ КЕЙСИ (25-44 года) – брат НЕЛЛ

ДЖЕССИ АРМИТЕЙДЖ (20-25 лет) – сестра ДЖОНА РОУЗА

НЕЛЛ КЕЙСИ (16-26 лет) – сестра ДЖИММИ, мать ДОЛЛИ и ВИННИ

ДЖОН РОУЗ¹ (40 лет) – актер, брат ДЖЕССИ АРМИТЕЙДЖ

¹ ДЖОН РОУЗ – главный герой пьес Дона Нигро «ЛЕСТРИГОНЫ», в которой подробно описываются его отношения с Джесси, и «ХРАНИ ВАС БОГ, ВЕСЕЛЬЧАКИ». Пьесы переведены на русский язык и поставлены в России. Присутствует в нескольких других пьесах цикла «Огайо».

Декорация

Армитейдж, маленький город округа Пендрагон, в холмистой восточной части Огайо, и рядом с ним, в различные периоды от 1922 до 1941 гг., проулок за баром в Голливуде, Калифорния, 1928 г. Общая декорация объединяет все места действия. Но сцене расставлены старые пианино в на различных стадиях ремонта, с табуретами, если необходимо, стулья, столы. Шесть актеров постоянно остаются на сцене. Если они не задействованы в той или иной картины, то наблюдают и слушают или заняты своими мыслями. Если для последующей картины они нужны в другом месте, то переходят, в образе и на виду у зрителей. Путей для перемещения должно быть много, чтобы актер двигались по сцене легко и без суеты. Не должно быть ни изменения декораций, ни пауз между картинами. Действие плавное, как река. Движение пьесы всегда неотъемлемая часть пьесы.

Картины

1. Потемневшее стекло (1941)
2. Амбар, полный старых пианино (1941)
3. Джесси (1922)
4. Волки (1941)
5. Нелли (1926)
6. Озеро Гримов (1926)
7. Проулок за баром в Голливуде (1928)
8. Призраки округа Пендрагон (1941)
9. Уроки фортепьяно (1941)
10. Танец Нелл Кейси (1936)
11. Привидение (1940)
12. Психбольница (1941)

Картина 1: Потемневшее стекло (1941)

(Звуки этюда Шопена номер 3 в тональности ми-мажор, опус 10, исполняемого на пианино в темноте. Свет падает на ВИННИ КЕЙСИ, в 1941 г. девочку 11 лет. Она сидит на скамье у старого пианино).

ВИННИ. Закрывая глаза, я слышу старое пианино, играющее в темноте. Есть в старом пианино что-то такое, притягивающее призраков. Они приходят, чтобы заглянуть в окна, когда слышат музыку. Я всегда их вижу, хотя другие – нет, ждущих у окон, в чулане одной из комнат, где мы жили с мамой, или стоящих у меня за спиной и отражающихся в старом темном зеркале моей умершей бабушки Циннии на чердаке пансиона «Цветы». Я смотрю в грустные глаза призраков и вижу глаза моей матери, и еще одной девушки, которую не знаю, и думаю, что они хотят мне что-то сказать, но не знаю, что именно. Есть одна мелодия, которую мой дядя Джимми играл на одном из старых пианино двоюродного дедушки Вилли, когда моя сестра Долли и я прятались около амбара и слушали. Это была моя любимая мелодия. Моя и девушки-призрака, которую я видела в зеркале. Закрывая глаза, я ее слышу.

(Музыка продолжает звучать, свет, падающий на ВИННИ, гаснет).

Картина 2: Амбар, полный старых пианино (1941)

(Свет падает на ДЖИММИ КЕЙСИ, 44 года, играющего Этюд номер Три Шопена на старом пианино в амбаре, примыкающем к его гаражу поздним вечером 1941 г. ДОЛЛИ КЕЙСИ, 12 лет подходит из глубины сцены, ждет, пока он закончит, только потом начинает говорить).

ДОЛЛИ. Это всегда была ее любимая мелодия.

ДЖИММИ. Что?

ДОЛЛИ. Это мелодия всегда была любимой у Винни, из всех, которые ты играл.

ДЖИММИ. Долли? Что ты здесь делаешь?

ДОЛЛИ. Мне нужно поговорить с тобой, дядя Джимми.

ДЖИММИ. А где твоя мать?

ДОЛЛИ. Мама ушла.

ДЖИММИ. Ушла куда?

ДОЛЛИ. Я не знаю. Просто ушла. Купила нам мороженое, привела в комнату ожидания суда в Кэнтоне, велела подождать ее там, но так и не вернулась.

ДЖИММИ. А где Винни?

ДОЛЛИ. В больнице в Массильоне.

ДЖИММИ. Что она там делает? С ней все в порядке?

ДОЛЛИ. Какая-то глупая женщина из социальной службы или откуда-то еще сказала этому противному старому судье с трясущейся головой, что Винни чокнутая или какими-то отклонениями или задержками в развитии, и этот старый судья отправил ее в психиатрическую лечебницу. Я пыталась сказать ему, что нельзя этого делать, но он меня словно и не слышал. Будто меня и не было. Потом пришли эти люди и забрали от меня Винни. Она кричала и плакала, я ударила одного в нос, а второго, здорового, пнула между ног, как учила меня мама, но меня схватили и потащили в приют для девочек с личностными расстройствами или чем-то там еще, но я спряталась в мусорном баке, сбежала, а потом вернулась в Армитейдж на грузовике, который возит помидоры.

ДЖИММИ. Долли, нельзя так себя вести. Тебе двенадцать лет.

ДОЛЛИ. Пришлось. Посчитала необходимым поговорить с тобой, дядя Джимми.

ДЖИММИ. Почему просто не позвонила по телефону?

ДОЛЛИ. Потому что если говоришь с людьми по телефону, они не смотрят тебе в глаза и могут положить трубку.

ДЖИММИ. Ты думаешь, я бы положил трубку?

ДОЛЛИ. Я не знаю, что бы ты сделал, но не могла рисковать. Понимала, что должна увидеться с тобой. Слишком это важно.

ДЖИММИ. Боже мой. Они тебя покормили?

ДОЛЛИ. Я не голодна. И не имеет это значения. Ты должен меня выслушать, дядя Джимми. Я знаю, ты в последний раз видел нас с Долли совсем маленькими, потому что мама постоянно увозила нас в Восточный Ливерпуль, или Питтсбург, или в Уэлсвилл, или куда-то еще, но ты – единственный, к кому я могу прийти. Ты должен помочь мне вытащить Винни из того места. Она не чокнутая, но там точно такой станет. Я знаю, что станет.

ДЖИММИ. Долли, может Винни нужно какое-то время побыть там, где о ней будут заботиться.

ДОЛЛИ. Не говори мне, что нужно моей сестре. Я знаю, что ей нужно. Она – моя сестре, и ей нужна я. И ей нужен ты, чтобы помочь ей, прямо сейчас.

ДЖИММИ. Я не знаю, что смогу для нее сделать, Долли.

ДОЛЛИ. Дядя Джимми, я никогда ни о чем тебя не просила, и больше ни о чем не попрошу, клянусь, но это ты должен для меня сделать. Мама ушла, и Винни не место в сумасшедшем доме. Она – маленькая девочка, она не чокнутая, она просто не такая, как все, и я обещала им, что позабочусь о ней, но они сказали нет, ты слишком молода. Но это глупо, я заботилась о ней чуть ли не всю ее жизнь. Это не вина мамы. Мамы носит в сердце так много несчастья, что для нас места совсем чуть-чуть. Но нас она любит. Я знаю, что любит. А вот заботиться не может. Дядя Джимми, я знаю, ты предпочитаешь держаться особняком, чинишь старые автомобили и старые пианино, которые дедушка Вилли собрал в амбаре. Я знаю, что ты можешь починить практически все. Что ж, ты должен это починить. Ты должен пойти со мной в то место, забрать оттуда мою маленькую сестру и позволить нам жить в твоём доме. Никаких проблем не будет, я обещаю. Я буду готовить. Прибираться. Заботиться о Винни. Ты даже не будешь знать, что мы здесь. Пожалуйста. Ты должен это сделать. Там она завянет и умрет. Я знаю, ты – хороший человек. Иногда по вечерам я приводила сюда Винни, мы сидели за амбаром и слушали, как ты играешь на этих старых пианино. Слушая музыку, Винни сразу успокаивалась. Думаю, здесь она была счастлива. Я знаю, что прошу многого. Я знаю, ты привык жить один, но, дядя Джимми, думаю, в жизни каждого человека наступает момент, когда у него появляется шанс больше не быть одному, и я думаю, это твой шанс. И наш. Мне больше идти некуда. Поэтому не говори мне, что ты сожалеешь. Я не хочу этого слышать. Ты должен сесть в «шеви» и отвезти меня туда, прямо сейчас, потому что я не могу оставить там сестру еще на одну ночь. Даже на одну.

ДЖИММИ. Долли, я не могу.

ДОЛЛИ. Почему не можешь?

ДЖИММИ. Неужели нет кого-то еще, кто...

ДОЛЛИ. Нет. Больше никого. Только ты. Ты – единственный, кто может нам помочь.

ДЖИММИ. Я ничего не знаю о воспитании детей.

ДОЛЛИ. Это нормально. Я знаю. Я вырастила Винни. Буду и дальше о ней заботиться. Тебе нужно только поехать туда, подписать какие-то бумаги, забрать ее и привезти сюда. Об остальном я позабочусь сама. Клянусь, позабочусь.

ДЖИММИ. Я даже не знаю, позволят ли мне.

ДОЛЛИ. Я спросила ту женщину, и она сказала, что отдать нас они могут только близкому родственнику, а это ты. Брат нашей матери. У тебя есть дом, и бизнес, и какие-то деньги на банковском счету, так?

ДЖИММИ. Не очень большие.

ДОЛЛИ. Нам много и не нужно. Едим мы совсем ничего.

ДЖИММИ. Вам нужно гораздо больше, чем я могу вам дать, Долли.

ДОЛЛИ. Ты хочешь, чтобы Винни выросла в том доме со всеми этими безумными людьми? Ты хочешь для нее такой жизни? Она должна быть со мной. Я – единственная, кто может о ней позаботиться. Только они не позволят мне, если ты не заберешь нас к себе. Дядя Джимми, ты должен мне помочь. Или мы тебе безразличны?

ДЖИММИ. Дело не в этом.

ДОЛЛИ. Именно в этом. Ты нас не любишь. Ладно, не обязан ты нас любить. Ты просто должен нам помочь. Я найду работу и расплачусь с тобой на еду и крышу над головой. Расплачусь до последнего цента, клянусь.

ДЖИММИ. Речь не о еде и крыше над головой.

ДОЛЛИ. Тогда о чем? Почему ты не можешь нам помочь? Да что с тобой такое? Тебе безразличны самые близкие родственники? Тебе все безразлично?

(ДЖИММИ смотрит на нее. Свет, падавший на ДОЛЛИ, медленно меркнет).

Картина 3: Джесси (1922)

(Стрекоцут цикады. Ночь. Озеро Гримов, 1922 г. Появляется ДЖЕССИ, босиком, несет туфли, подходит к краю причала, садится, болтает ногами в воде.

ДЖИММИ стоит, смотрит на нее. Актер не сдвинулся с места – просто повернулся к ДЖЕССИ, и теперь он на Темном озере, девятнадцатью годами раньше. ДЖЕССИ – двадцать, ДЖИММИ – двадцать пять).

ДЖЕССИ. Люблю я это озеро. Мое самое любимое место в мире. Твое тоже, Джимми?
ДЖИММИ. Только когда здесь ты.

ДЖЕССИ. Какой ты глупый. Я знаю, здесь обитают призраки, потому что давным-давно индейцы вырезали здесь чуть ли не все семейство Гримов, но я люблю призраков. С призраками я на одной ноге. У меня в доме полно призраков.

ДЖИММИ *(подходит, садится рядом)*. В каждом доме полно призраков.

ДЖЕССИ. Но не в каждом амбаре полно пианино. Только в вашем. Я люблю ваш амбар, набитый старыми пианино. И сколько их там.

ДЖИММИ. Не знаю. Сосчитать трудно, когда они стоят друг на друге. Тетя Миртл так ненавидела эти пианино, и ненавидела дядю Вилли за то, что он совсем рехнулся, притаскивая в дом старые пианино, на которых не умел играть, которые не мог починить, но дядя ничего не мог с собой поделывать. Свозил и свозил их, вероятно, даже сам не понимал, зачем. Из-за них она орала на него каждый день. Апартаменты для крыс, так она называла пианино. А однажды, мне было десять или одиннадцать лет, дядя Вилли сказал мне, что у него есть одно хорошее пианино, в глубине, он привез его в 1887 году, и он покажет это пианино мне, если я помогу ему кое-что передвинуть. Тетя Миртл опять кричала на него, признавалась в ненависти к этим никчемным старым пианино, дядя Вилли ее игнорировал, стараясь вытащить нужное пианино из этой огромной груды. Я вообще не понимал, как ему удалось поставить их друг на друга. А потом что-то затрещало, заскрежетало, я повернулся и увидел, как гора старых пианино, которая доставала до сеновала, рухнула на них, словно симфония из ада. Иногда я задавался вопросом, а может, он специально их так ставил, что обрушить эту гору пианино на тетю Миртл в тот день, когда его окончательно достанут ее крики. И это сработало. Крики оборвались навсегда. Правда тот день стал последним и для него. Они жили долго и умерли в один день. Такой вот конец любви.

ДЖЕССИ. Любовь – конец для всех.

ДЖИММИ. Ты так думаешь?

ДЖЕССИ. Так или иначе. Или это не настоящая любовь. Я люблю эти старые пианино, пусть они и раздавили твоих дядю и тетю, и я люблю наблюдать, как ты их чинишь, и слушать, как ты на них играешь, после того, как настроил. И я очень люблю один этюд Шопена. Они все прекрасные, каждый по-своему, но в том спокойном есть что-то особенное. Когда ты его играешь, он словно напоминает мне о том, что еще не случилось со мной. Ты знаешь, о чем я?

ДЖИММИ. Да.

ДЖЕССИ. Ночью озеро такое красивое. Мы неплохо проводили тут время, так, до того, как ты ушел на войну, Джимми?

ДЖИММИ. Да, неплохо.

ДЖЕССИ. Мы с тобой, Глинис, Кон и Ясон². Кажется, так давно это было, а на само деле не очень. Потом ты и Ясон отправились на войну, и здесь стало одиноко. Глинис вышла

² Глинис, Кон и Ясон – персонажи пьесы Дона Нигро «Маддалена». Как и упомянутая ниже жена Ясона, та самая Маддалена.

за Кона, и я осталась совсем одна. До сих пор не понимаю, почему она так поступила. Меня зачаровывало и ужасало поведение Глинис. Она флиртовала с одним и вызывала ревность у второго. Потом флиртовала со вторым, выводя первого из себя. Она играла с этими парнями, как на пианино.

ДЖИММИ. Я просто не мог на это смотреть.

ДЖЕССИ. Я знала, то, что она делала ужасно, но не могла оторвать глаз. До чего желание может довести людей! Это действительно пугает. Кон – едва ли не самый умный из моих знакомых. Неужели он не понимал, что она просто использовала его, чтобы свести Ясона с ума.

ДЖИММИ. Она вышла за Кона.

ДЖЕССИ. Но она любила Ясона. И он любил ее.

ДЖИММИ. Я не знаю, любил ли кого-нибудь Ясон. А Кон ее любил. Ждал – и получил то, что хотел. Наверное, из этого можно вынести какой-то урок.

ДЖЕССИ. Но они несчастливы. А теперь Ясон вернулся с новой женой, и несчастливы все четверо.

ДЖИММИ. Любовь не обязательно приносит тебе счастье, Джесси.

ДЖЕССИ. Но должна. Я знаю, влюбляясь, мы ничего не можем с собой поделать. Но если ты пытаешься убедить себя, что кто-то тебя любит, а на самом деле этого нет, или ты любишь кого-то, кто любит другого, такая любовь тебя убьет, рано или поздно. И сколь бы сильной была твоя любовь к человеку, не будет тебе счастья, если человек этот хочет кого-то еще.

ДЖИММИ. Глинис не знает, чего она хочет. Никогда не знала.

ДЖЕССИ. Не очень-то ты разбираешься в женщинах, так, Джимми?

ДЖИММИ. А ты разбираешься?

ДЖЕССИ. Я – одна из них.

ДЖИММИ. Еще нет.

(Целует ее. ДЖЕССИ подается назад).

ДЖЕССИ. В дальнейшем постарайся обходиться без этого.

ДЖИММИ. Почему?

ДЖЕССИ. В последнее время я тебя позволяла слишком многое, потому что так радовалась твоему возвращению, но я думаю, что это идея не из лучших.

ДЖИММИ. Почему так?

ДЖЕССИ. Потому что я действительно тебе безразлична.

ДЖИММИ. И это означает, что ты не можешь целоваться со мной?

ДЖЕССИ. Это означает, что я не хочу, чтобы ты посчитал кое-что возможным, хотя на самом деле этого не будет никогда.

ДЖИММИ. И чего не будет никогда?

ДЖЕССИ. Мы с тобой не станем парой. Такое невозможно. Во всяком случае, как ты этого хочешь?

ДЖИММИ. Почему?

ДЖЕССИ. Причин много.

ДЖИММИ. Назови хоть одну.

ДЖЕССИ. Просто не получится.

ДЖИММИ. Ты не можешь этого знать.

ДЖЕССИ. Я – могу.

ДЖИММИ. Ты говоришь, что ко мне чувств у тебя нет?

ДЖЕССИ. Я люблю тебя, Джимми. Но люблю тебя не так, как ты любишь меня.

ДЖИММИ. Целуя тебя, я чувствую твою реакцию. Она настоящая. Это не мое воображение.

ДЖЕССИ. Все так, это не твое воображение. Я реагирую, когда ты целуешь меня. Реагирую искренне. Поэтому и не думаю, что тебе и дальше следует меня целовать.

ДЖИММИ. Это не имеет смысла.

ДЖЕССИ. Очень даже имеет. Потому что если я позволю тебе целовать меня, ты захочешь большего, а больше я тебе дать не смогу.

ДЖИММИ. То есть ты хочешь ждать, пока мы не поженимся? Это нормально. Я понимаю. Меня устраивает.

ДЖЕССИ. Мы никогда не поженимся.

ДЖИММИ. Откуда ты это знаешь?

ДЖЕССИ. Я не хочу причинять тебе боль, Джимми. Ты – мой лучший друг, и я тебя люблю. Но тебе действительно нужно найти себе другую девушку. Правда. Я серьезно. Для твоего же блага. Тебе действительно нужно найти кого-то еще.

ДЖИММИ. Что ж, спасибо за совет, Джесс.

ДЖЕССИ. Джимми, не надо так. Я пытаюсь объяснить. Я тебя люблю, и мне нравится быть с тобой, и мне нравится, как ты целуешь меня, как обнимаешь, но я не хочу, чтобы ты рассчитывал на то, чему не бывать. Я знаю, ты хочешь, чтобы это случилось, но я не могу. Я не могу дать тебе то, что тебе нужно.

ДЖИММИ. Ты не знаешь, что мне нужно.

ДЖЕССИ. Я знаю, что тебе нужно. Но от меня ты этого не получишь. И я чувствую себя такой виноватой, потому что человек может подумать, ты можешь подумать, что я тебя дразню, держу на коротком поводке, как Глинис поступала с Коном. Я позволяла тебе целовать меня, и обнимать под одеялом, когда мы смотрели на луну, и мы плавали голыми в карьере, и все такое. Мне действительно это нравилось, но я не хочу тебя завлекать, и я думаю, что так и делала, может, не хотела, но, думаю, делала, и больше делать этого не могу. Ты мне очень дорог, Джимми. Ты не знаешь, как много это значит для меня, когда рядом есть человек, которому я всегда могу доверять, всегда и во всем. Ты представить себе не можешь, как много это для меня значит. Но я думаю, что с моей стороны это чистый эгоизм. В том, что мы так много времени проводим вместе, для тебя ничего хорошего нет. Я очень тебя люблю, Джимми. Но не могу. Просто не могу. Извини.

ДЖИММИ. Не можешь ни с кем? Или только со мной?

ДЖЕССИ. С тобой – нет.

ДЖИММИ. Почему не со мной?

ДЖЕССИ. Потому что ты любишь меня.

ДЖИММИ. То есть, ты можешь иметь дело только с тем, кто не любит тебя? Это ты мне говоришь?

ДЖЕССИ. Нет. Я тебе говорю не это.

ДЖИММИ. Тогда что ты мне говоришь?

ДЖЕССИ. Я говорю, что мы с тобой никогда не станем любовниками и никогда не поженимся. По-моему, яснее и не скажешь. Мы можем быть только друзьями.

ДЖИММИ. Когда мы вместе, мы не просто друзья. Гораздо больше, чем друзья. Ты это знаешь.

ДЖЕССИ. Да, знаю. Я позволила нам зайти слишком далеко, потому что мне так нравится быть рядом с тобой. Это приятно, быть рядом с человеком, которому можно полностью доверять, который, я точно знаю, никогда, никогда не причинит мне боль. Но больше я этого делать не могу. Не потому, что не хочу. Просто не могу так поступать с тобой, потому что несправедливо это по отношению к тебе. Я тебя расстраиваю, раздражаю и не даю найти девушку, которая сделает тебя счастливым.

ДЖИММИ. Ты делаешь меня счастливым.

ДЖЕССИ. Нет. Я делаю тебя несчастным. Ты счастлив? Сейчас, в этот самый момент?

ДЖИММИ. Нет. Сейчас я несчастлив, потому что ты отталкиваешь меня по причинам, которые не имеют для меня никакого смысла.

ДЖЕССИ. Я не отталкиваю тебя. Ладно, может, и отталкиваю. Может, мне нужно оттолкнуть тебя для твоего же блага.

ДЖИММИ. Ничего не делай для моего блага.

ДЖЕССИ. Тогда для своего блага. Я не знаю, для чьего. Просто больше не могу так себя вести.

ДЖИММИ. Ты больше не хочешь меня видеть? Этого ты хочешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.